

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ISSN 1811-038X

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

МИР

РОССИИ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

UNIVERSE OF RUSSIA

SOCIOLOGY. ETHNOLOGY

Т. 28 2019 № 1

МИР РОССИИ UNIVERSE of RUSSIA

Социология. Этнология

Том 28

№1, 2019

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 1811-038X

Журнал издается Национальным исследовательским университетом
«Высшая школа экономики»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Статьи, публикуемые в журнале «Мир России»,
индексируются и реферируются в библиографических агентствах и базах данных

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Регистрационный номер ПИ № ФС 77-68122

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019

МИР РОССИИ

Социология. Этнология

Том 28

№1, 2019

Издается с 1992 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN 1811-038X

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ РОССИИ И МИРОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

О.Э. Бессонова

Контрактный раздаток и солидаризм – новая веха российской матрицы7–31

В.В. Карачаровский

Дилемма сверхдержавы32–53

И.А. Матвеев

Крупный бизнес в путинской России:

старые и новые источники влияния на власть54–74

ЧЕЛОВЕК, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО

П.В. Бизюков

Трудовые протесты в России:

территориальная и отраслевая локализация в 2008–2016 гг.75–100

Т.С. Лыткина, С.С. Ярошенко

Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня?101–123

РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

М.А. Козлова

Межпоколенная трансмиссия паттернов группового сплочения
в разных социокультурных контекстах:

на примере букварей для детей русской эмиграции и Советской России124–139

А.А. Зудина

«Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России140–160

К. Silvan

Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present

К. Силван

Практика молодежной политики в Российской Федерации

и Республике Беларусь после распада Советского Союза161–171

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

А.Б. Белоусов

Кардиограмма войны и выборов172–180

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ181–183

UNIVERSE of RUSSIA

Sociology. Ethnology

Volume 28

No 1, 2019

Published since 1992

Quarterly

ISSN 1811-038X

CONTENTS

RUSSIA'S FUTURE AND THE GLOBAL REALITY

O. Bessonova

Contractual *Razdatok* (*Redistribution*) and Solidarism:
a New Milestone in the Russian Institutional Matrix (in Russian)7–31

V. Karacharovskiy

The Dilemma of a Superpower (in Russian)32–53

I. Matveev

Large Business in Putin's Russia: Old and New Sources of Power and Influence (in Russian)54–74

INDIVIDUAL, ECONOMY, SOCIETY

P. Bizyukov

Labor Protests in Russia: Territorial and Sectoral Localization, 2008–2016 (in Russian)75–100

T. Lytkina, S. Yaroshenko

Is Sociology for the Working Classes Possible Today? (in Russian)101–123

RUSSIA AS A REALITY

M. Kozlova

The Intergenerational Transmission of Patterns of Group Cohesion
in Different Socio-cultural Contexts: the Case of ABC Books for the Children
of Russian Emigrants and Soviet Russia (in Russian)124–139

A. Zudina

The NEET Youth in the Russian Labor Market (in Russian)140–160

K. Silvan

Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present161–171

READINGS AND REFLECTIONS

A. Belousov

The Cardiogram of War and Elections (in Russian)172–180

MANUSCRIPT REQUIREMENTS181–183

Дилемма сверхдержавы¹

В.В. КАРАЧАРОВСКИЙ*

***Владимир Владимирович Карачаровский** – кандидат экономических наук, доцент Департамента прикладной экономики, заместитель заведующего Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 110100, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: vvka@hse.ru

Цитирование: Карачаровский В.В. (2019) Дилемма сверхдержавы // Мир России. Т. 28. № 1. С. 32–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-32-53

Сегодня в общественное сознание возвращается критерий оценки страны в категориях «державности», «мощи державы», «сверхдержавы». Вместе с тем спецификой такого фундаментального общественного блага, как мощь державы, является его превентивный характер, что не дает возможности всегда справедливо оценивать приносимые этим благом выгоды. Как следствие, для таких благ становятся вероятными ситуации несовпадения их подлинной, справедливой цены с ценой общественной, исчисляемой готовностью населения платить. В настоящей работе предлагается и тестируется на эмпирических данных основанный на экспериментальном решении классической бюджетной дилеммы подход к измерению общественной цены блага «дополнительная мощь державы» в сравнении с двумя альтернативами – экономической (в альтернативном росте материального благосостояния граждан) и гуманитарной (в альтернативном усилении институтов охраны жизни и здоровья граждан). Показано существование биполярной мировоззренческой структуры российского общества. Даются количественные оценки общественно допустимых альтернативных издержек дополнительного финансирования общественного блага «мощь державы» в двух ее коннотациях: (1) как инструмента защиты суверенитета и обеспечения независимости в международных отношениях и (2) как инструмента восстановления геополитического равновесия. Выявляются социально-групповые факторы, определяющие общественный выбор в рассматриваемой системе альтернатив.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10270).

Ключевые слова: сверхдержава, национальные интересы, унилатерализм, экономические санкции, общественная цена, социальные изменения, социальные предпочтения

Введение

«Европа нам нужна лет на сто, а потом мы повернемся к ней задом»², – выраженная Петром I идея модернизационного рывка России, пророческая для всей ее последующей истории с поправкой только на меньшее количество лет? «Переплавить колокола на пушки», – им же впервые понятая мера допускаемой российским обществом жертвы во имя сохранения национального суверенитета и независимости пути? Ни первый, ни второй вопрос никогда не исчезали с национальной повестки дня, и в мирной повседневности, рутинизировавшись, продолжали существовать в форме простой по смыслу бюджетной дилеммы: дополнительная мощь державы или дополнительные социальные расходы? Новейшая история России показала, что общество не всегда бывает готово к слишком высокой оплате статуса сверхдержавы. Но и урок времен такой неготовности, полученный последний раз в 1990-е гг., тоже не прошел бесследно. И интересно понять, каким образом сегодня «колокола» и «пушки» уравновешены в общественном сознании.

Исторически фундаментальная часть российского общественного договора – это содержание обществом мощного (прежде всего в военно-технологическом отношении) государства. Западное по своему происхождению понятие «сверхдержава» как категория российского общественно-политического дискурса распространилось в основном после распада СССР как оформление ностальгии и одновременно новой мечты об утраченной великой державе. Это был и поиск пути развития, альтернативного доминировавшей в ранний постсоветский период установки на «модернизацию через вестернизацию», – согласно типологии модернизаций Сэмюэля Хантингтона, – «кемализм», которому он противопоставлял другой вариант развития, при котором «с увеличением темпов модернизации удельный вес вестернизации снижается и происходит возрождение местных культур» [Хантингтон 2003, с. 107–108; *Huntington* 1996, p. 75].

Оказалось, что в условиях той парадигмы, в которой существует реальный (а не романтизированный общественным сознанием 1980-х гг.) глобальный мир, этот путь связан с немалыми затратами и необходимостью противостоять значительному внешнему давлению, иначе говоря, с необходимостью жертвы. Именно «жертвы», а не «инвестиций», поскольку, когда речь идет о финансировании превентивных общественных благ, нельзя определить точное значение будущего экономического выигрыша от этих вложений при том, что связанные с ними издержки, напротив, всегда вполне определенно ощущаемы всеми членами общества в их повседневной жизни. В настоящей работе определяется количественная мера общественной поддержки такого пути, причем не просто ценностное отношение к нему, а его выбор по сравнению с доступными альтернативами, приносимыми в жертву во имя производства общественного блага «великая держава», «мощь державы», «сверхдержава».

² Цит. по [Гумилев 1994, с. 287].

Сверхдержава как феномен общественного сознания и объект общественного финансирования

Мощь державы и «дуга» общественных настроений

Понятие «сверхдержава» классически определяется как высшая степень мощи страны, как государство, чьи цели и чье влияние имеют глобальный характер³. Идея утверждения преимуществ собственного исторического пути всегда формировала в России мощные факторы национального энтузиазма и соответствующую социальную идентичность. В период СССР они достигли своего пика в военно-технологической сфере, в резком росте престижа профессий, связанных с оборонным потенциалом и национальной безопасностью, в стремлении людей стать причастными к культурному и технологическому ядру национальных достижений с расчетом на великое будущее (см., напр. [Черток 1999]).

Однако в конце XX столетия в СССР/России легитимность институтов мощи державы начала подвергаться сомнению и ревизии вплоть до их полного разрушения, а многие общественные проблемы начали (ложно) восприниматься как связанные с политикой и расходами сверхдержавы. И лишь после ее утраты стало очевидно, что потенциал и показатели советской экономики до периода перестройки были несопоставимо убедительнее не только по сравнению с последующими 1990-ми гг., но и с началом первой декады 2000-х гг. (см., в частности [Кара-Мурза 2012]).

Распад СССР оказался весьма показательным примером несовпадения справедливой цены актива и его общественной цены: это был не столько «кризис показателей», сколько кризис общественного договора, немалую роль в котором сыграл романтизированный образ западной цивилизации как некой идеализированной реальности, в которую обывателю непременно хочется попасть. Ошибочность утвердившейся тогда в российском общественном сознании парадигмы о сущности мировой системы привела в конце 1980-х гг. к заниженным оценкам роли военно-технологического потенциала государства в международных отношениях и, как следствие, к утрате соответствующей государственной политикой общественной поддержки, сменившейся представлением о неоправданной милитаризации советской экономики. Действительно, в 1970-е – начале 1980-х гг. доля военных расходов СССР составляла, по различным оценкам, от 10 до 25% ВВП, тогда как расходы стран НАТО в тот же период в процентном выражении были существенно ниже: в США – 5,4–6,7%, во Франции – 3,9–4,1%, в ФРГ – 3,1–3,4%, в Великобритании 4,9–5,4% [Welfens 1989, p. 362; Шкаратан, Гальчин 1993]. Такой уровень расходов, безусловно, мог вызывать вопросы, особенно при нарастающей поддержке большинством населения кажущегося наступления новой эры открытых партнерских отношений с Западной Европой и США. Внешняя красота западной цивилизации и железный занавес, стоящий на пути к ней, сработали против российской модели сверхдержавы. Это было именно то,

³ О различных дефинициях понятий «сверхдержава» (*superpower*) и «великая держава» (*great power*) см., например [Nijman 2008, p. 684].

что Джозеф Най назвал действием «мягкой силы» (*soft power*) – силы притягательности, посредством которой «одна страна заставляет другие страны желать того же, чего желает она» [Nye 1990, p. 166].

Спустя несколько лет утрата сверхдержавы начала приводить к прямым и косвенным потерям ВВП в 1990-е гг. из-за невозможности обеспечивать не только внешнеполитические, но и многие внешнеэкономические интересы страны. Отказавшись от сверхдержавы, в тот момент ложно понимаемой как ноши, от которой стоит избавиться, а не как блага, которым следует научиться пользоваться, новая Россия сама сокрушила ту часть мировой системы, в которой у нее был собственный и вполне составлявший конкуренцию западному миру путь. В результате страна снова оказалась в условиях догоняющего развития, но уже в совершенно другом мире, в котором у нее не было ни первого, ни второго места, ни права голоса на равных. Это оказался мир, в котором, по точному замечанию В.М. Полтеровича, «идеология реформ в значительной мере формируется под влиянием международных организаций, отдающих предпочтение интересам развитых стран» [Полтерович 2017, с. 202].

В этом смысле цена сверхдержавы, которую оплачивал СССР, в значительной степени оправдывала себя, и, более того, уже на самых ранних этапах российских реформ именно сердцевина сверхдержавы – Военно-промышленный комплекс – рассматривался как основа модернизации [Shkaratan, Galchin 1994; Shkaratan, Fontanel 1998; Кузык, Яковец 2005]. Однако накануне крушения общественная цена сверхдержавы, т.е. признаваемый обществом легитимным уровень издержек на ее поддержание, была близка к нулю, и в тот период почти невозможно было убедить общество в обратном. Приведенный пример демонстрирует, насколько критичной может становиться эта скрытая для классических измерительных инструментов цена общественных явлений и процессов, и даже, казалось бы, очевидные сегодня национальные достижения требуют долгосрочной защиты посредством контроля и управления этой ценой.

Есть ли жизнь без сверхдержавы?

В конце 1960-х гг. за политикой СССР в отношении стран-сателлитов, входящих в СЭВ и Организацию Варшавского договора, закрепилось обозначение «доктрина ограниченного суверенитета». В действительности, данная доктрина описывает и ситуацию в современной геополитике вообще, и в отношении России в этом вопросе вряд ли делались какие-либо исключения. Об этом прямо пишет один из немногих, пожалуй, апологетов гармоничного взаимодействия с Россией Стивен Козн, считая, что «безумной миссионерской идеей» является «<...> базовая посылка американской политики, начиная с 1991 г. о том, что США могут и должны вмешаться во внутренние дела России для того, чтобы превратить ее в американскую копию и послушного партнера» [Козн 2001, с. 141].

Ощущение необходимости применения к самой России доктрины ограниченного суверенитета (т.е. контролируемого извне развития) отнюдь не было чуждо Западу, даже когда Россия была еще слаба и западный мир воспринимала исключительно лояльно, а в общественном сознании – и со значительной

идеализацией. По словам Генри Киссинджера, сказанным уже на рубеже 2000-х гг., т.е. сразу же со взятием российской властью курса на укрепление государственности и спустя всего 2–3 года после начала восстановительного роста российской экономики, «<...> русский идеализм [в отличие от «американского идеализма» – *примечание автора*] толкал к экспансионизму и национализму» и «<...> НАТО должен сохраняться как гарантия против нового превращения России в империю» [Киссинджер 2016, с. 90–103]. Та же установка постоянно звучала у Збигнева Бжезинского: «<...> не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы» [Бжезинский 1998, с. 109].

Настороженность Запада в отношении России заставляла его, как правило, заведомо отказывать русским в «презумпции невиновности» в вопросе выбора пути развития. При этом сформировавшийся в 2000-е гг. на фоне беспрецедентного роста цен на нефть альтернативный концепт российской державности – «энергетическая сверхдержава» (“*hydrocarbon superpower*”) [Bouzarovski, Bassin 2011], конечно, не мог конкурировать в решении этой проблемы ни с утраченным оригиналом, ни с подлинным содержанием понятия «сверхдержава», хотя и отражал возросшее влияние России в мире в качестве геополитического игрока. Эта настороженность, проецируемая как на западный социум, так и на российское восприятие современного Запада, делает неопределенным и процесс культурной коммуникации. Отношение к России в западных обществах остается весьма противоречивым и на микроуровне. Так, исследования среди экспатов – иностранных профессионалов, имеющих опыт личного и длительного сотрудничества с русскими в мультинациональных трудовых коллективах, – иллюстрируют восприятие ими России и русских от целиком негативного («Россия – негостеприимное общество. <...> Русские – вообще очень агрессивны по своей природе») или явно скептического («Здесь все останется таким, как есть, еще на тысячу лет») до восторженного («Они [русские – *примечание автора*] фанатичны в получении результатов. Если вы дадите им задачу, они ее решат!», «Если мы посмотрим разумно на то, что сделано в России за последние 20 лет, то это фантастически») [Karacharovskiy, Shkaratan, Yastrebov 2016, pp. 130–135].

Сохраняющаяся много лет неоднозначность восприятия России на всех уровнях общественно-политической и деловой жизни гипотетически не может не давать возвратного роста спроса россиян на сверхдержаву – не как инструмента экспансии, но как исходного плацдарма, обеспечив который, можно, наконец, спокойно посмотреть друг на друга.

Градиент мирового порядка

В XXI в. западная цивилизация столкнулась с непривычным для себя явлением: исчезновение биполярного мира, падение железного занавеса и возникающая в этом вакууме унилатералистская политика США подтачивают «мягкую силу» и десакрализуют западные общества. Уже в конце 1990-х гг. С. Хантингтон обратил внимание, что США начинают приобретать в мире репутацию безответственной,

неконтролируемой сверхдержавы (“*rogue superpower*”), проводящей в большинстве международных вопросов политику односторонних действий [Huntington 1999, p. 42]. Западными исследователями подвергаются критике значительные диспропорции в государственном финансировании США институтов «мягкой» и «жесткой» силы⁴ (гуманитарных и силовых ведомств и учреждений) в сторону последней [Wilson 2008, pp. 116, 121]; акцентируется необходимость возрождения «мягкой силы» США, достигшей пика в период биполярного мира [Smith 2007].

На смену геополитической дуополии СССР–США пришла уникальная система – монополия, сила которой достаточна, чтобы влиять на ситуацию в большинстве регионов мира, но не достаточна, чтобы стать легитимным мировым сувереном. Неожиданно вновь актуализируется потребность в модели мирового влияния, по смыслу аналогичной существовавшей в биполярной системе (и в настоящее время подзабытой) – модели так называемой моральной сверхдержавы, ярким примером которой являлась в годы холодной войны Швеция, позиционируя независимый «справедливый», «нравственно-акцентированный» подход к глобальной политике в качестве альтернативы «великодержавному» подходу двух главных сверхдержав [Dahl 2006, pp. 895–897]. Однако в сложившихся в современном нам мире геополитических условиях подобные независимые модели влияния обречены на неудачу, если они не подкреплены достаточным военно-технологическим потенциалом ввиду исчезновения стабилизированного биполярной системой пространства «остального мира». Как отмечает В.Г. Федотова, «<...> парадокс сегодняшнего времени состоит в том, что, стремясь перейти от локковского мира, допускающего войны между государствами к кантовскому вечному миру, человечество шагнуло в гоббсовский мир войны всех против всех» [Федотова 2005, с. 309].

Зарубежные исследователи приходят к недвусмысленному выводу: «<...> распределение различных форм мягкой силы будет в первом приближении коррелировать с распределением экономических и военных ресурсов» [Jervis 2009, pp. 191–192]. Соответствующий этому предостережению принцип формулирует для США и автор концепта «мягкой силы» Джозеф Най: «Дополняя свою военную и экономическую мощь ростом инвестиций в мягкую силу, США смогут возродить систему, в которой они нуждаются, чтобы преодолеть серьезные глобальные вызовы» [Nye 2009, p. 163]. Неудивительно, что исследователи фиксируют в России гражданскую поддержку курса на усиление мощи державы, когда во имя этого от 50 до 80% россиян готовы пойти на жертвы теми или иными стандартами благополучия [Горшков, Петухов 2015, с. 91–99].

По отношению к рубежу 1980–1990-х гг. происходит кардинальная смена парадигмы общественного восприятия ценности державной мощи. Вместе с тем при постановке таких вопросов критическое значение имеет цена отказа во имя соответствующей цели от альтернативных благ и возможностей.

⁴ В оригинале – *soft power* и *hard power*.

Методология

В предлагаемом исследовании общественная цена сверхдержавы (если понимать под такой ценой легитимный с точки зрения общества объем финансирования сверхдержавы либо допускаемый обществом уровень альтернативных издержек ее преимущественного ресурсного обеспечения) определяется из мысленного эксперимента о выборе одной из двух программ расходования дополнительных государственных средств: с одной стороны, это программа по приращению мощи державы (программа «А»), с другой, два варианта альтернативной программы «Б» (экономическая альтернатива и гуманитарная альтернатива).

Конструкция мысленного эксперимента опирается на предположение о том, что функция полезности индивида при совершаемом им выборе («в державе какого уровня мощи жить») является функцией двух параметров – (1) количество общественного блага «сверхдержава» (SP), (2) благосостояние граждан (WB) или сохранность жизни и здоровья граждан, измеренное в количестве спасенных жизней людей (HL). Общественная цена сверхдержавы измеряется через ее альтернативные издержки – в альтернативном росте благосостояния граждан ($\Delta SP/\Delta WB$) и в альтернативном усилении институтов охраны жизни и здоровья, что позволяет спасти определенное количество жизней ($\Delta SP/\Delta HL$). Выбор, совершаемый респондентами в предложенных экспериментальных ситуациях, показывает, при какой величине прироста параметров WB и HL увеличение расходов на усиление «мощи державы» SP становится менее предпочтительным по сравнению с указанными альтернативами.

В исследовании использовались две экспериментальные ситуации с различными вариантами описания программ «А» и «Б».

Экспериментальная ситуация 1

Идея приращения мощи державы формулировалась в виде, соответствующем реальным современным вызовам, которые с высокой вероятностью (и в рамках любого идеологического контекста) воспринимаются населением как объективные: «Направить дополнительные средства на решение проблем безопасности страны, понимаемой как обеспечение ее территориальной целостности, суверенитета, независимости в международных отношениях, предотвращение внешних и внутренних угроз». В данное определение неслучайно введен предикат «дополнительные (средства)». Это давало респонденту осознание того, что базовый уровень безопасности, суверенитета и международного влияния страны уже достигнут, и речь идет о его дальнейшем наращивании. Таким образом, респонденты делали выбор не между материальным/гуманитарным благополучием граждан и национальной безопасностью как таковой, но между увеличением материального/гуманитарного благополучия и дальнейшим наращиванием национальной государственной мощи (при достигнутом базовом уровне этой мощи, который респонденты могут наблюдать в реальной жизни). Такой вариант формулировки программы «А» не позволял респонденту судить, насколько именно прирастет мощь державы, и речь идет

о дополнительном превентивном финансировании программы, результаты действия которой проявляются как простое спокойствие на границах.

Альтернативная программа «Б» предлагалась респонденту в двух вариантах:

- **экономическая альтернатива (WB)**: безвозмездная передача соответствующих средств населению для решения насущных жизненных проблем (улучшение жилищных условий, дорогостоящее лечение, образование детей и т.п.); измеряется в объеме переданных индивидуально каждому средств;
- **гуманитарная альтернатива (HL)**: направление соответствующих средств на спасение людей, оказавшихся в критических для жизни ситуациях; измеряется в количестве спасенных жизней граждан страны.

Основной вопрос, формулируемый в рамках экспериментальной ситуации, состоял в том, при какой минимальной сумме, полученной в рамках альтернативной программы «Б» респондентом лично и в том же количестве каждым из членов общества, которых он считает такими же, как он сам (или при каком минимальном количестве спасенных в рамках программы «Б» жизней), респондент проголосует за соответствующую альтернативу, отказавшись от программы «А».

Экспериментальная ситуация 2

Программы «А» и «Б» описывались как долгосрочные, рассчитанные на пять лет. Цель программы «А» формулировалась в усиленной постановке как приращение потенциала страны при защите и продвижении национальных интересов на международной арене, при этом указывался четкий ориентир – обеспечение военно-технологического паритета с ведущими мировыми державами. Таким образом, в данном варианте, во-первых, кардинально возрастал масштаб задач программы «А», во-вторых, в явном виде указывался результат программы, во имя которого предлагается на время отказаться от прироста благосостояния и благополучия.

Кроме того, в программе «Б» изменялась экономическая альтернатива *WB*. Ее цель уточнялась как развитие человеческого потенциала страны с указанием, что средства направляются безвозмездно в виде выплат тем, кто этого заслуживает своей жизнью и профессиональной деятельностью, а также тем, кто достоин поддержки в своих начинаниях в профессиональной или общественной сферах. Таким образом, программа «Б» обрела смысл не компенсации нужд, а вознаграждения достойных граждан за конкретные заслуги или общественно-полезные начинания.

Отвечая на основной вопрос, респондент должен был указать (как и в экспериментальной ситуации 1) минимальную сумму (но в данном случае получаемую не единовременно, а каждый год в течение пяти лет) или минимальное количество жизней (спасаемых каждый год в течение пяти лет), при которых он предпочтет программу «Б», отказавшись от программы «А».

Видно, что обе экспериментальные ситуации воспроизводят **классическую бюджетную дилемму** и конкуренцию двух пониманий державности – либо через повышение внешней мощи державы, усиление защиты национальной безопасности и суверенитета, либо через рост благосостояния и благополучия граждан прямыми средствами социальной политики.

Отметим, что в обеих экспериментальных ситуациях экономическая и гуманитарная альтернативы различаются не только единицами измерения цены отказа от прироста внешней мощи державы. В случае гуманитарной альтернативы, голосуя за спасение жизней, респондент проявлял **альтруистическую мотивацию**, так как адресат получения выигрыша (в виде спасенной жизни) не определен заведомо, это может быть любой член общества. В случае экономической альтернативы адресат получения выигрыша (в виде денег) определен четко – это сам индивид и находящиеся с ним в одной социальной ситуации другие члены общества, поэтому здесь мотивация респондента имела **утилитаристскую природу**.

Информационная база

Расчеты базируются на данных двух волн представительного опроса населения России, прошедших в сентябре 2016 г. (первая волна) и июне 2017 г. (вторая волна) за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10270). Опрос проведен на основе общероссийской репрезентативной выборки в целом для РФ и для федеральных округов с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18 лет и старше, по типам поселений, квот по полу респондентов и по социально-профессиональным группам (первая волна) и с исключением работников села (вторая волна). Объем выборочной совокупности в первой волне – 1000 чел., во второй волне – 700 чел. Опрос проводился в форме персонального интервью по формализованной программе. Экспериментальная ситуация 1 реализована на выборке 2016 г., экспериментальная ситуация 2 – на выборке 2017 г. В *таблице 1* представлено сравнение выборок двух волн опроса по социально-демографическим характеристикам.

Таблица 1. Сравнение выборок двух волн представительного опроса населения России 2016–2017 гг.^а

	Опрос, 2016 г.		Опрос, 2017 г.
	Все население	Городское население	Городское население
Мужчины, %	45,6	46,2	46,9
Возраст, лет ^б	44,3 (16,1)	43,6 (15,8)	46,3 (16,6)
Доход на 1 члена семьи, тыс. руб. ^с	15,0	16,0	19,0
Законченное высшее образование, %	32,9	36,1	33,8
Русские, %	88,6	88,8	87,3
<i>N</i>	1000	723	700

Примечания:

^а выборки сравниваются с исключением работников села;

^б среднее (стандартное отклонение);

^с указана медиана; доля пропущенных ответов по вопросу о доходе – 8,8% (все население, 2016 г.), 10,5% (городское население, 2016 г.), 9,8% (городское население, 2017 г.).

Дескриптивная часть анализа проводилась как по всей выборочной совокупности, так и отдельно по городскому населению. Анализ факторов и социально-групповой анализ осуществлялся на примере городского населения (с исключением работников села) для обеспечения сопоставимости данных двух волн опроса.

Результаты

Общественная цена блага «дополнительная мощь державы»

Эмпирические оценки приведены в *таблицах 2 и 3*. Во всех случаях за 100% принималось количество респондентов, ответивших на поставленный вопрос⁵. Для экспериментальной ситуации 1 при альтернативе в виде передачи гражданам на решение насущных жизненных проблем средств, которые иначе пошли бы на дополнительное финансирование национальной безопасности, доля респондентов, однозначно выбравших программу «А» (за усиление мощи державы), составила 49,3%. При альтернативе в виде передачи средств на спасение жизней людей, оказавшихся по внешним причинам в критической для жизни ситуации, соответствующая доля была 46,7%. Городское население голосовало в среднем так же (*таблица 2*). Для экспериментальной ситуации 2, когда опрашивалось только городское население, а программа «А» формулировалась в усиленной постановке, процент респондентов, безусловно проголосовавших за приращение мощи державы, оказался несколько ниже – 42,9% и 39,3% для соответствующих альтернатив (*таблица 3*).

Вторая часть респондентов (в зависимости от типа экспериментальной ситуации – от 50 до 60%) готова была рассматривать отказ от дополнительных инвестиций во внешнюю мощь страны в пользу одной из рассмотренных выше альтернатив. Обращает на себя внимание тот факт, что российское общество крайне неоднородно по восприятию этой стороны общественной жизни. В *таблицах 2 и 3* для обеих альтернатив приведены квартили распределений выбора респондентов, голосующих за деньги или за спасение жизней.

При экспериментальной ситуации 1 (*таблица 2*) видно, что для экономической альтернативы 25% голосующих за деньги готовы взять их при сумме в 100 тыс. руб., 50% – при сумме в 1 млн руб., 75% – при сумме в 2 млн руб. Соответствующие оценки для городского населения близки. Высокая неоднородность выбора наблюдается и при гуманитарной альтернативе: в этом случае для 25% голосующих за спасение жизней достаточно 10 спасенных жизней, чтобы отказаться от финансирования дополнительной мощи державы, для 50% достаточно 200 спасенных жизней, для 75% число спасенных жизней должно быть не меньше 30 тыс. чел. (или 10 тыс. чел. для подвыборки городского населения). Для экспериментальной ситуации 2 (*таблица 3*) неоднородность голосования столь же значительна.

⁵ Количество пропусков ответов в зависимости от типа экспериментальной ситуации и альтернативы составило от 15 до 24%. Реальное и проективное поведение «не явившейся на голосование» части общества остается неопределенным.

Таблица 2. Показатели общественной поддержки усиления мощи державы в сравнении с экономической и гуманитарной альтернативами (экспериментальная ситуация 1)

	Вид альтернативы Б			
	(WB)		(HL)	
	Средства передаются гражданам для решения насущных жизненных проблем ^а		Средства передаются на спасение жизней людей, оказавшихся в критических ситуациях ^б	
	Все население	Городское население	Все население	Городское население
Среднее (стандартное отклонение)	2557781 (9341669)	2408253 (8723573)	798798 (4898919)	887702 (5393262)
25%	100000	150000	10	10
50%	1000000	800000	200	200
75%	2000000	2000000	30000	10000
Программа «А», %	49,3	49,1	46,7	46,6
N ^с	803(407)	589(300)	760(399)	554(291)

Примечания:

^а указан размер индивидуальной субсидии (руб./чел.);

^б указано количество спасенных жизней (чел.); удалено 6 наблюдений (указанное респондентами количество жизней ≥ 100 млн чел.);

^с указан объем выборки за вычетом пропущенных ответов и (в скобках) количество респондентов, выбравших программу «Б».

При этом экспериментальная ситуация 2 интересна и принципиально иным характером выбора: в отличие от экспериментальной ситуации 1, где выгода имела единовременный характер, во второй экспериментальной ситуации конкурируют две долгосрочные программы, рассчитанные на пять лет.

Респонденты должны были при выборе программы «Б» отметить денежную сумму (для экономической альтернативы) или количество жизней, которые могут быть спасены (для гуманитарной альтернативы) в годовом выражении. Интересно, что выбирая деньги, респонденты указывали в среднем ту же, что и в первой экспериментальной ситуации величину выигрыша, просто распределенную на пять лет (ср. медиану в *таблицах 2 и 3* для экономической альтернативы – 1 млн руб. и 200 тыс. руб.), то есть различие в цене отказа от программы «А» определялось только фактором дисконтирования (для экспериментальной ситуации 2 цена ниже). В случае с гуманитарной альтернативой, где выигрыш измеряется не деньгами, а спасенными жизнями, респонденты, напротив, пятикратно увеличивали годовое количество спасенных жизней (ср. соответствующую медиану в *таблицах 2 и 3* – 200 жизней и 1000 жизней). Таким образом, усиленная формулировка программы «А» во втором варианте экспериментальной ситуации воспринимается как цель, во имя решения которой общество допускает большее число упущенных гуманитарных возможностей.

Таблица 3. Показатели общественной поддержки усиления мощи державы в сравнении с экономической и гуманитарной альтернативами (экспериментальная ситуация 2)

	Вид альтернативы Б			
	(WB) Средства передаются гражданам как вознаграждение за заслуги или поддержка начинаний ^a		(HL) Средства передаются на спасение жизней людей, оказавшихся в критических ситуациях ^b	
	Вся выборка	Исключены «эвристические решения» ^c	Вся выборка	Исключены «эвристические решения» ^c
Среднее (стандартное отклонение)	449457 (880622)	445100 (847657)	829994 (5523650)	764058 (5250330)
25%	50000	100000	50	100
50%	200000	200000	1000	1000
75%	500000	600000	52500	100000
Программа «А», %	42,9		39,3	
N^d	595(322)	(253)	570(330)	(275)

Примечания:

^a указан размер индивидуального вознаграждения (руб./чел. в год);

^b указано количество спасенных жизней (чел. в год); удалено 1 наблюдение (указанное респондентом количество жизней = 100 млн чел.);

^c количественные ответы респондентов, задаваемые фреймом в формулировке вопроса (в данном случае ответы вида – 5, 50, 500, 5000 и т.д.);

^d указан объем выборки за вычетом пропущенных ответов и (в скобках) количество респондентов, выбравших программу «Б».

Важно отметить, что анализ выбора в экспериментальной ситуации 2 с пятилетними программами выявил определенную условность в ответах части респондентов, с которыми сталкивались и другие исследования такого типа. Часть респондентов давали псевдоколичественные ответы, задаваемые фреймом в формулировке вопроса. В данном случае это ответы вида 5, 50, 500, 5000 и т.д., поскольку в вопросе указывался период реализации выбираемой программы «5 лет». Исследователи характеризуют такие ответы как «эвристические решения» (см., например [Polinder, Meerding, Exel, Brouwer 2005, p. 796])⁶. Доля таких ответов среди респондентов, выбравших одну из альтернатив, составила 21,4% для экономической альтернативы и 16,7% – для гуманитарной альтернативы. Поскольку такие ответы могут смещать истинное значение цены выбора, было проанализировано изменение распределений при их исключении (таблица 3). Видно, что при этом величина медианы не меняется для обеих альтернатив. Распределения с эвристическими ответами респондентов и с их исключением неразличимы на уровне значимости критерия Колмогорова–Смирнова $p = 0,989$ для гуманитарной альтернативы и $p = 0,512$ для экономической альтернативы, и все основные выводы анализа сохраняются.

⁶ В оригинале – *decision heuristic*.

Обобщая полученные численные оценки, можно заключить, что экономическая и гуманитарная альтернативы критически отличаются друг от друга как меры общественной цены внешней мощи державы. Если ориентироваться на респондентов, готовых при определенной величине выигрыша (получении средств на решение насущных жизненных проблем, поддержку личных начинаний или выплат за заслуги) проголосовать за экономическую альтернативу программы «А», то, чтобы получить голоса большинства из них на альтернативный путь развития, необходимо было бы потратить на цели соответствующей социальной политики сумму, равную (в зависимости от типа экспериментальной ситуации) от 3 до 10% ВВП (а если придерживаться логики равных выплат по медианному значению, то до трети ВВП). Если же ориентироваться на тех, кто готов был проголосовать за гуманитарную альтернативу, то одобрение на альтернативный путь развития большинства из них достигается, например, при строительстве комплекса высокотехнологичных медицинских центров с показателем работы до 1000 спасенных жизней в год, что требует несопоставимо меньшего объема инвестиций, чем экономическая альтернатива.

Еще одним показательным фактом является наличие в выборке двух полярных подгрупп респондентов, четко проявившихся при анализе гуманитарной альтернативы в виде спасения жизней. В среднем 10% респондентов, выбравших гуманитарную альтернативу, указывали, например, что готовы отказаться от программы «А» только в том случае, если альтернативная программа «Б» спасет как минимум 1 млн жизней, что сопоставимо с уровнем смертности в России вообще. Можно было бы отсеять такие ответы как лишённые смысла, если бы не существование подгруппы респондентов с диаметрально противоположными ответами: около 12–15% респондентов отмечали, что они предпочитают программу «Б» даже в том случае, если она спасет хотя бы 1 человеческую жизнь. При всей осторожности интерпретации такого рода данных как количественных ответов сам факт существования двух полярных групп общества весьма примечателен, поскольку указывает на мировоззренческую стратификацию: одни ставят на чашу весов сверхдержавы одну единственную спасенную человеческую жизнь, другие, напротив, приравнивают ценность сверхдержавы к ценности спасения всех, кто в этом нуждается. Интересно, что две эти маргинальные группы имеют стабильный процент в выборке и воспроизводятся в обеих волнах опроса.

Факторы, определяющие общественный выбор в пользу усиления мощи державы

Данные о значимых социально-групповых факторах, влияющих на выбор между программами «А» и «Б», приведены в *таблице 4*. К наиболее явным из них относятся пол и возраст. Вероятность выбора программы «А», т.е. голосование за дополнительные расходы в прирост мощи державы, выше для мужского населения и растет с возрастом респондентов. При этом несправедливо было бы говорить, что группа «за сверхдержаву» – это целиком люди старших поколений. Средний возраст в этой группе составляет, в зависимости от варианта экспериментальной

ситуации и вида альтернативы, 45–48 лет (против 42–45 лет для группы голосующих за программу «Б»). При этом процент респондентов от 18 до 30 лет включительно составляет в соответствующих группах 17–19% и 22–27%. Среди социально-демографических факторов значимым оказывается также наличие детей: семьи с детьми в обоих вариантах мысленного эксперимента с большей вероятностью предпочли альтернативную программу «Б», предполагающую денежную субсидию или вознаграждение.

Таблица 4. Социально-групповые факторы, влияющие на выбор в пользу усиления мощи державы по сравнению с экономической (WB) и гуманитарной (HL) альтернативами (логит-модель)^a

	Экспериментальная ситуация 1		Экспериментальная ситуация 2	
	WB	HL	WB	HL
Независимые переменные ^b				
Мужчины	0,147 (0,182)	0,512*** (0,185)	0,537*** (0,186)	0,605 [†] (0,188)
Возраст, лет	0,015* (0,007)	0,016* (0,007)	0,024 [†] (0,006)	0,015* (0,006)
Наличие детей	-0,493* (0,249)	-0,372 (0,243)	-0,607** (0,228)	-0,375 (0,234)
Профессионалы с высшим образованием	0,647*** (0,224)	0,532* (0,221)	0,122 (0,225)	-0,392 ⁺ (0,234)
Ln (душевой доход), тыс. руб.	0,109 (0,184)	-0,005 (0,189)	0,442* (0,203)	0,463* (0,209)
Проживание в мегаполисах и региональных центрах ^c	0,567*** (0,207)	-0,182 (0,214)	-0,313 (0,233)	-0,456 ⁺ (0,239)
Социализация ^d в мегаполисах и региональных центрах ^c	-0,027 (0,210)	0,368 ⁺ (0,214)	0,019 (0,242)	0,221 (0,249)
(Константа)	-1,220* (0,584)	-0,994 ⁺ (0,606)	-2,423 [†] (0,694)	-2,299 [†] (0,705)
Тест Вальда χ^2 (7) Log Likelihood χ^2 Хосмера-Лемешова (8)	24,61 [†] -360,287 5,36 (p=0,718)	17,58* -344,256 6,98 (p=0,539)	31,42 [†] -354,695 13,27 (p=0,103)	26,93 [†] -334,029 7,58 (p=0,475)
N	540	511	543	519

Примечания:

^a зависимая переменная: 1 – программа «А», 0 – программа «Б»;

^b во всех случаях приведены значения коэффициентов бинарной логит-регрессии; в скобках приводятся робастные оценки стандартных ошибок; уровень значимости: [†]p<0,10, *p<0,05, **p<0,01, ***p<0,005, [†]p<0,001;

^c 1 – Москва, Санкт-Петербург, областные и краевые центры, 0 – малые города и ПГТ;

^d тип населенного пункта, в котором жил респондент, когда пошел в школу.

Интересно, что при экспериментальной ситуации 1 (где ключевыми целями программы «А» являются защита суверенитета, безопасности, независимости) при обеих альтернативах выбор в пользу усиления мощи державы с большей вероятностью делали профессионалы. Однако их выбор становится неоднозначным при экспериментальной ситуации 2 (в котором цели программы «А» даны в усиленном звучании – продвижение национальных интересов, военно-технологический паритет с ведущими державами).

Аналогичная закономерность прослеживается для фактора места проживания или социализации индивида. При экспериментальной ситуации 1 вероятность выбора программы «А» выше для жителей мегаполисов и крупных городов (для экономической альтернативы), тогда как при экспериментальной ситуации 2 влияние данного фактора не обнаруживается (для экономической альтернативы) и имеет обратное направление (для гуманитарной альтернативы).

Влияние фактора дохода не выявляется при экспериментальной ситуации 1, но положительно проявляется при экспериментальной ситуации 2: вероятность выбора программы «А» увеличивается с ростом душевого дохода семьи. Однако ошибочно было бы интерпретировать эту связь исключительно экономически (как наличие или отсутствие материальных проблем), так как направленность действия фактора не меняется при гуманитарной альтернативе, не предполагающей материальных выгод для индивидов.

В *таблице 5* приводятся результаты социально-группового анализа состава респондентов, выбравших программу «Б», и даются медианные значения критерия выбора ими соответствующей альтернативы – размера суммы денежных средств при экономической альтернативе и количества спасаемых жизней при гуманитарной альтернативе.

Гендерный фактор оказывает сильное влияние на цену выбора только при экспериментальной ситуации 1. В среднем женщины называли большую сумму денежных средств как критерий выбора программы «Б» по сравнению с мужчинами при экономической альтернативе (1 млн руб. против 500 тыс. руб.) и меньшую цену при гуманитарной альтернативе (700 жизней против 100 жизней).

Среди возрастных групп выделяется группа средних возрастов (от 30 до 50 лет), для которой цена выбора в пользу альтернативы со спасением жизни наиболее низкая (100 спасенных жизней), если сравнивать эту группу с молодежью (до 30 лет), с одной стороны, и с лицами старших возрастов (свыше 50 лет). Для двух последних возрастных групп цена выбора программы «Б» на порядок более высокая (не менее 1000 спасенных жизней).

Фактором, ослабляющим критерий выбора программы «Б», выступает также наличие детей: цена выбора для многодетных семей ниже в 2–5 раз.

Отличие профессионалов с высшим образованием от прочих профессиональных групп значимо проявилось только при экспериментальной ситуации 1 и только для гуманитарной альтернативы. Выбор профессионалов был более гуманистичен: для выбора ими программы «Б» достаточно выполнения критерия в 100 спасенных жизней, тогда как для прочих социальных групп требуется в среднем 500 спасенных жизней, однако во всех других спецификациях мысленного эксперимента отличие группы профессионалов значимо не проявляется.

Группы с более высоким доходом демонстрировали более высокую цену отказа от программы «А» в экспериментальной ситуации 1 при экономической альтернативе.

Таблица 5. Дифференциация общественной цены усиления мощи державы по социальным группам и когортам для экономической (WB) и гуманитарной (HL) альтернатив^a

Группа	Экспериментальная ситуация 1		Экспериментальная ситуация 2	
	Альтернатива WB, тыс. руб.	Альтернатива HL, чел.	Альтернатива WB, тыс. руб.	Альтернатива HL, чел.
Мужчины	500	700	200	1000
Женщины	1000 (1,254 ⁺)	100 (1,616 ^{**})	150 (0,786)	1000 (0,603)
Возраст ≤ 30	1000	1000	200	1000
30 < Возраст ≤ 50	600	100	200	1000
Возраст > 50	900 (0,741)	1000 (4,789 ⁺)	120 (3,773)	1000 (0,223)
Нет детей	1000	1000	250	1000
Один ребенок	500	100	200	1000
Двое и более детей	1000 (1,784)	200 (7,699 [*])	100 (9,218 ^{**})	1000 (2,589)
Профессионалы	900	100	250	1000
Другие социальные группы	600 (0,953)	500 (1,350 [*])	150 (0,912)	1000 (0,608)
Душевой доход выше медианного	900	500	200	1000
Душевой доход равен или ниже медианного	550 (1,228 [±])	100 (0,917)	150 (1,096)	1000 (0,763)
Мегаполисы и региональные центры	500	100	200	1000
Малые города и ПГТ	1000 (0,650)	300 (0,687)	100 (1,303 ⁺)	1000 (1,260 ⁺)
Социализация в мегаполисах и региональных центрах	550	100	220	1000
Социализация в малых городах и ПГТ	1000 (0,627)	1000 (1,566 [*])	120 (1,080)	1000 (0,773)
<i>N</i> ^b	300	291	322	330

Примечания:

^a в каждом случае приводится медиана распределения ответов для указанной социальной группы; в скобках приводится Z-статистика двухвыборочного критерия Колмогорова-Смирнова или статистика χ^2 для критерия Краскела-Уоллиса: ⁺p<0,10, ^{*}p<0,05, ^{**}p<0,01, ^{***}p<0,005, [†]p<0,001;

^b размер выборки для переменной «душевой доход» с учетом пропущенных данных составляет 278, 267, 295 и 299 наблюдений соответственно.

Фактор места проживания или социализации оказывает неустойчивое влияние в разных спецификациях мысленного эксперимента. При экспериментальной ситуации 2 для жителей малых городов и ПГТ цена отказа от программы «А» была существенно ниже, чем для жителей мегаполисов и крупных городов как при экономической альтернативе (медиана 100 тыс. руб. против 200 тыс. руб.), так и при гуманитарной альтернативе (несмотря на равенство медиан, 1-й и 3-й квартили соответствующих распределений принимают значения 10 и 10000 спасенных жизней, 100 и 100000 спасенных жизней). При экспериментальной ситуации 1 фактор места проживания незначим, однако значимо проявился фактор места социализации для гуманитарной альтернативы: здесь, напротив, значения цены отказа от программы «А» смещены в меньшую сторону для мегаполисов и региональных центров.

Подводя итоги: о балансе «внешней» и «внутренней» державы

На вопрос о том, нужна ли сверхдержава, всегда будет как минимум два ответа. Но это не отменяет фундаментального явления – несовпадение общественной цены и справедливой цены специфического класса фундаментальных общественных благ, выгоды от которых, также как и требуемые инвестиции в которые, невидимы для общества в «спокойные» периоды в связи с превентивным характером таких благ. Между тем именно существование «спокойных» периодов и является результатом того, что эти блага в полной мере выполняют свою функцию.

Сегодняшний этап в жизни российского общества имеет особое значение: в отличие от романтизированных 1980-х гг. он лучше приближает нас к пониманию сложности парадигмы, в которой существует мир, а значит, и к осознанию сложности общественного выбора тех благ, которые обеспечивают национальный суверенитет и поле возможностей страны для развития в сегодняшнем и завтрашнем мире.

В этой связи идея измерить цену общественного блага «дополнительная мощь державы» по сравнению с двумя его альтернативами (экономической и гуманитарной) вскрывает фундаментальную дилемму «внешней» и «внутренней» державы. Отражением первой является возросшее влияние в мире, второй – возросшее благополучие граждан. Эти два феномена всегда существуют параллельно, в одни периоды они тождественны, в другие – имеют минимальное пересечение. И вопрос состоит в том, можно ли дать количественный критерий предпочтения обществом одного другому.

Результаты тестирования экспериментальных ситуаций показали, что российское общество имеет биполярную мировоззренческую структуру с достаточно высокими долями населения, голосующего как за «внешнее», так и за «внутреннее» понимание державности, при 15–24% (в зависимости от типа экспериментальной ситуации) воздержавшихся. Если за 100% брать все население, включая воздержавшихся от ответов, то безусловную поддержку программы по усилению мощи державы, в зависимости от варианта экспериментальной ситуации и вида альтернативы, высказали 32–40% населения против 40–49% проголосовавших за одну из альтернатив при выполнении определенного критерия (величины личного или общественного выигрыша).

В среднем цена отказа от программы «А» по усилению мощи державы в пользу ее альтернативы «Б» (если судить по медианным значениям ответов) составляет 1 млн руб. на человека для экспериментальной ситуации с краткосрочной (разовой) программой и 200 тыс. руб. в год для экспериментальной ситуации с долгосрочной (пятилетней) программой при экономической альтернативе и, соответственно, от 200 спасенных однократно до 1000 спасаемых ежегодно жизней при гуманитарной альтернативе. Видно, что цена отказа от увеличения мощи державы явно оказывается неодинаковой. Для экспериментальной ситуации, в которой программа «А» является краткосрочной и формулируется в умеренной постановке (как приращение мощи державы для защиты суверенитета и исключения несправедливости при решении международных вопросов), цена отказа в пользу гуманитарной альтернативы оказывается в среднем значительно меньше, чем для экспериментальной ситуации, в которой программа «А» долгосрочная и сформулирована в усиленной постановке (как приращение мощи державы для достижения военно-технологического паритета с НАТО). В стоимостном же выражении (т.е. при экономической альтернативе) цена отказа от программы «А» для обеих рассмотренных экспериментальных ситуаций различается только на норму дисконта (1 млн руб. одновременно либо равными долями в течение пяти лет) и определяется, вероятно, представлениями респондентов о размере денежной суммы, способной решить их ключевые жизненные проблемы.

Кроме того, проявляется интересный феномен общественного сознания. При гуманитарной альтернативе достаточно построить комплекс центров современной высокотехнологичной медицины с пропускной способностью (в зависимости от типа экспериментальной ситуации) от 200 до 1000 человек в год, чтобы для большинства тех, кто готов проголосовать за гуманитарную альтернативу, это стало важнее, чем приращение внешней мощи державы. Тогда как в рамках экономической альтернативы потребовалось бы расходовать на цели соответствующей социальной политики сумму, как минимум равную (в зависимости от типа экспериментальной ситуации) от 3 до 10% ВВП, чтобы идея приращения военно-технологической мощи перестала быть предпочтительной для большинства тех, кто готов рассматривать варианты отказа от нее. Таким образом, в стоимостном пересчете гуманитарная альтернатива потребовала бы несопоставимо меньше социальных расходов.

Исследованный набор факторов социального выбора в пространстве указанных альтернатив дал определенные ориентиры в том, какие социальные группы в большей степени готовы голосовать за сверхдержаву или, напротив, за альтернативу. Здесь традиционно проявляют себя социально-демографические, доходные и социально-профессиональные характеристики. Система этих факторов неодинакова для мысленного эксперимента с умеренной и усиленной трактовкой приращения мощи державы. При переходе от умеренной к усиленной формулировке программы «А» и от субсидиарной к стимулирующей трактовке экономической альтернативы программы «Б» в целом сохраняется влияние социально-демографических факторов, но меняется влияние сословных факторов. Сверхдержава остается преимущественным выбором мужской части населения с некоторым, но отнюдь не кардинальным, перевесом старших возрастов. При этом за умеренный вариант программы «А» при любой альтернативе в большей степени готовы голосовать профессионалы и жители мегаполисов и крупных городов, а за усиленный вариант – высокодоходные группы населения.

Предложенный в настоящей работе подход к анализу дилеммы сверхдержавы, безусловно, имеет ряд интерпретационных ограничений, присущих исследованиям, которые базируются на сконструированных экспериментальных ситуациях, предлагаемых респондентам. Тем не менее он дает количественный критерий, позволяющий судить о силе голоса «внутренней» державы, которая создает общественный фундамент державы «внешней».

Литература

- Бжезинский З. (1998) Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / Перевод О.Ю. Уральской. М.: Международные отношения.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (ред.) (2015) Российское общество и вызовы времени. Книга первая. М.: Весь Мир.
- Гумилев Л.Н. (1994) От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспрос.
- Кара-Мурза С.Г. (2012) Народное хозяйство СССР. М.: Алгоритм.
- Киссинджер Г. (2016) Нужна ли Америке внешняя политика? / Пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: Издательство АСТ.
- Козн Ст. (2001) Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России / Пер. с англ. И.С. Давидян. М.: АИРО-XX.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. (2005) Россия – 2050. Стратегия инновационного прорыва. Изд. 2-е, доп. М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2017) Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Журнал Новой экономической традиции. №3 (35). С. 198–206.
- Федотова В.Г. (2005) Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция.
- Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Черток Б.Е. (1999) Ракеты и люди. 2-е изд. М.: Машиностроение.
- Шкаратан О.И., Гальчин А.В. (1993) Человеческие ресурсы и технологическое обновление России // Политические исследования. № 3. С. 130–140.
- Bouzarovski S., Bassin M. (2011) Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower // *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 101, no 4, pp. 783–794.
- Dahl A.-S. (2006) Sweden: Once a Moral Superpower, Always a Moral Superpower? // *International Journal*, vol. 61, no 4, pp. 895–908.
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*, N.Y.: Simon & Schuster.
- Huntington S.P. (1999) The Lonely Superpower // *Foreign Affairs*, vol. 78, no 2, pp. 35–49.
- Jervis R. (2009) Unipolarity: A Structural Perspective // *World Politics*, vol. 61, no 1, pp. 188–213.
- Katz H. (2006) Gramsci, Hegemony, and Global Civil Society Networks // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 17, no 4, pp. 332–347.
- Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2016) Towards a New Russian Work Culture. Can Western Companies and Expatriates Change Russian Society? Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Nijman J. (1992) The Limits of Superpower: The United States and the Soviet Union since World War II // *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 82, no 4, pp. 681–695.
- Nye J.S. (1990) Soft Power // *Foreign Policy*, no 80, pp. 153–171.
- Nye J.S. (2009) Get Smart: Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*, vol. 88, no 4, pp. 160–163.
- Polinder S., Meerding W.J., Exel J. van, Brouwer W. (2005) Societal Discounting of Health Effects in Cost-Effectiveness Analyses: The Influence of Life Expectancy // *Pharmacoeconomics*, vol. 23, no 8, pp. 791–802.

- Shkaratan O.I., Fontanel J. (1998) Conversion and Personnel in the Russian Military – Industrial Complex // *Defence and Peace Economics*, vol. 9, no 4, pp. 367–380.
- Shkaratan O.I., Galchin A.V. (1994) Human Resources, Military – Industrial Complex and the Possibilities for Technological Innovation in Russia // *International Journal of Technology Management*, vol. 9, no 3/4, pp. 464–480.
- Smith P.H. (2007) The Hard Road Back to Soft Power // *Georgetown Journal of International Affairs*, vol. 8, no 1, pp. 115–123.
- Welfens P.J.J. (1989) The Economics of Military and Peacekeeping: An Emerging Field // *Jahrbuch für Sozialwissenschaft*, bd. 40, h. 3, pp. 358–385.
- Wilson E.J. (2008) Hard Power, Soft Power, Smart Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, pp. 110–124.
-
-

The Dilemma of a Superpower⁷

V. KARACHAROVSKIY*

***Vladimir Karacharovskiy** – Candidate of Science in Economics, Assistant Professor of Applied Economics Department, Deputy Head of the Laboratory for the Comparative Analysis of Post-Socialist Development, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: vvk@hse.ru

Citation: Karacharovskiy V. (2019) The Dilemma of a Superpower. *Mir Rossii*, vol. 28, no 1, pp. 32–53 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-32-53

Abstract

Characterizing countries as ‘great powers’ or ‘superpowers’ is deeply rooted in the contemporary socio-political discourse and public consciousness. The fundamental public good a superpower provides is its preventive character, however estimating the benefits of this type of good is complicated.

This article develops an approach to measuring the public cost of superpower status as a specific type of public good. It is based on an experimental solution to the classical budgetary dilemma, in which the additional cost of maintaining superpower status is weighted against two alternatives – ‘economic’ (i.e. investment in public well-being) and ‘humanitarian’ (e.g. investment in health provisions). Two types of experimental situations are tested: 1) a short-term program with a ‘soft’ model of a superpower (a moderate program maintaining national sovereignty in international relations) and 2) a long-term program with a ‘hard’ model of a superpower (i.e. an enforced program of total military parity with the West).

⁷ This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant number 16-18-10270.

The findings suggest that society has a bipolar world outlook with a large share of the public supporting an understanding of the state's power either as 'external' (centered on gaining an international force) or 'internal' (centered on economic and humanitarian wellbeing of citizens). Depending on the type of experimental situation the additional strengthening of superpower status was unconditionally supported by 32–40% of respondents. Conditional support (i.e. on one of the economic or humanitarian programs) was expressed by 40–49%.

On average, the upper limit of the acceptable cost of additional strengthening of the superpower was estimated at 1 million rubles per capita (for economic programs), and 1000 saved lives (for humanitarian programs). For the economic alternative this translates into a cost of 3–10% of GDP (depending on the type of experimental situation). For the humanitarian alternative, approval can be granted by investing in medical centers with an efficiency of about 1000 saved lives per year.

Finally, the study revealed that support for different types of superpower programs is conditioned by a number of social and demographic characteristics. Male and older age respondents are more likely to support superpower ambitions. Professionals are more likely to support the 'soft' versions of the superpower, and higher income groups tend to prefer the 'harder' version.

Key words: superpower, hegemony, national interests, unilateralism, economic sanctions, shadow price, social changes, social preferences

References

- Bouzarovski S., Bassin M. (2011) Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 101, no 4, pp. 783–794.
- Brzezinski Z. (1998) *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Chertok B.E. (1999) *Rakety i lyudi* [Rockets and People], Moscow: Mashinostroenie.
- Cohen St. (2001) *Proval krestovogo pokhoda. SShA i tragediya postkommunisticheskoy Rossii* [Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia], Moscow: AIRO-KHKH.
- Dahl A.-S. (2006) Sweden: Once a Moral Superpower, Always a Moral Superpower? *International Journal*, vol. 61, no 4, pp. 895–908.
- Fedotova V.G. (2005) *Khoroshee obshchestvo* [Good Society], Moscow: Progress-Traditsiya.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds.) (2015) *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya* [Russian Society and Challenges of the Epoch. Book One], Moscow: Ves' Mir.
- Gumilyov L.N. (1994) *Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoy istorii* [From Rus' to Russia: The Sketches of Ethnic History], Moscow: Ekopros.
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*, N.Y.: Simon & Schuster.
- Huntington S.P. (1999) The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*, vol. 78, no 2, pp. 35–49.
- Huntington S.P. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsij* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order], Moscow: AST.
- Jervis R. (2009) Unipolarity: A Structural Perspective. *World Politics*, vol. 61, no 1, pp. 188–213.
- Kara-Murza S. G. (2012) *Narodnoe khozyajstvo SSSR* [The Economy of the USSR], Moscow: Algoritm.

- Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2016) *Towards a New Russian Work Culture. Can Western Companies and Expatriates Change Russian Society?* Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Katz H. (2006) Gramsci, Hegemony, and Global Civil Society Networks. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 17, no 4, pp. 332–347.
- Kissinger H. (2016) *Nuzhna li Amerike vneshnyaya politika?* [Does America Need a Foreign Policy?], Moscow: AST.
- Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. (2005) *Rossiia – 2050. Strategiya innovatsionnogo proryva* [Russia – 2050. The Strategy of Innovation Breakthrough], Moscow: Ekonomika.
- Nijman J. (1992) The Limits of Superpower: The United States and the Soviet Union since World War II. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 82, no 4, pp. 681–695.
- Nye J.S. (1990) Soft Power. *Foreign Policy*, no 80, pp. 153–171.
- Nye J.S. (2009) Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*, vol. 88, no 4, pp. 160–163.
- Polinder S., Meerding W.J., Exel J. van, Brouwer W. (2005) Societal Discounting of Health Effects in Cost-Effectiveness Analyses: The Influence of Life Expectancy. *Pharmacoeconomics*, vol. 23, no 8, pp. 791–802.
- Polterovich V.M. (2017) Razrabotka strategij sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya [The Development of the Strategy of Social and Economic Development: Science vs Ideology]. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy assotsiatsii*, no 3(35), pp. 198–206.
- Shkaratan O.I., Fontanel J. (1998) Conversion and Personnel in the Russian Military – Industrial Complex. *Defence and Peace Economics*, vol. 9, no 4, pp. 367–380.
- Shkaratan O.I., Galchin A.V. (1994) Human Resources, Military – Industrial Complex and the Possibilities for Technological Innovation in Russia. *International Journal of Technology Management*, vol. 9, no 3/4, pp. 464–480.
- Shkaratan O.I., Galchin A.V. (1993) Chelovecheskie resursy i tekhnologicheskoe obnovenie Rossii [Human Resources and Technological Renovation of Russia]. *Politicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 130–140.
- Smith P.H. (2007) The Hard Road Back to Soft Power. *Georgetown Journal of International Affairs*, vol. 8, no 1, pp. 115–123.
- Welfens P.J.J. (1989) The Economics of Military and Peacekeeping: An Emerging Field. *Jahrbuch für Sozialwissenschaft*, bd. 40, h. 3, pp. 358–385.
- Wilson E.J. (2008) Hard Power, Soft Power, Smart Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, pp. 110–124.